ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042

DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich

Doctor of geography, professor, chief researcher Economic Research Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 911.375

**ХАБАРОВСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ:
ОПЫТ ДЕКОМПОЗИЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

В статье предпринята попытка декомпозиции пространства Хабаровской городской агломерации с использованием инструментария как социально-экономического, так и вернакулярного районирования. Выявлено, что на протяжении своей истории Хабаровск – центр одноименной агломерации – претерпел, как минимум, три волны трансформационных изменений в организации городского пространства. Причём эти изменения городского пространства сопровождались изменением характера и конфигурации как обывденных, так и социально-экономических внутригородских районов.

Хабаровская агломерация, региональная идентичность, социально-территориальная общность, внутригородские районы, вернакулярное районирование

**KHABAROVSK AGGLOMERATION:
EXPERIENCE OF URBAN SPACE
DECOMPOSITION**

The article attempts to decompose the space of the Khabarovsk agglomeration by use of tools of both socio-economic and vernacular regionalization. It has been revealed that throughout its history Khabarovsk as the center of the agglomeration has undergone at least three waves of transformational changes in the organization of urban space. Moreover, these changes in urban space were accompanied by changes in the nature and configuration of both vernacular and socio-economic intra-urban areas.

Khabarovsk agglomeration, regional identity, socio-territorial community, intra-urban areas, vernacular regionalization

Введение

Побудительным мотивом к написанию этой статьи послужили два события. Первым было знакомство с рядом публикаций последних лет, посвящённых вернакулярным районам и вернакулярному районированию [7; 15; 16; 18; 19], чтение которых всякий раз вызывало ощущение: что-то подобное, правда, в другой упаковке, я уже видел. Дело в том, что задолго до появления на российской почве концепции вернакулярных (или, иначе, обыденных) районов проблемы организации социального пространства в городах в том или ином виде привлекали внимание и географов, и социологов, и градостроителей¹.

Во-вторых, вернакулярные районы профилировали в одной из статей, опубликованных в «Регионалистике»: «С целью повышения качества и достоверности полученных данных в рамках настоящего исследования были выделены наиболее контрастные и семиотически наполненные локации города Хабаровска – вернакулярные или ментальные районы» [21, с. 46]. И так как авторы процитированной выше работы не представили районирования всей территории Хабаровска (ибо такую цель они и не преследовали), то у автора данной статьи возникло желание попытаться продвинуться в этом направлении².

Прежде всего автор посчитал необходимым предложить читателям возможные подходы к исследованию городского пространства Хабаровска и его пригородной зоны. Это, можно сказать, главная цель. Но была и ещё одна цель: показать, что как бы ни были важны и значимы те или иные современные теоретические идеи и инструменты анализа географического пространства, совсем не лишне и обращение к наследию наших предшественников – экономистов социологов и географов.

Что же касается структуры данной статьи, то в немногих словах она такова. Для начала даётся краткий обзор наиболее значимых, по мнению автора, подходов к пониманию природы городского пространства и аналитического инструментария, используемого при исследовании его структуры и динамики. А далее мы перейдём к описанию эволюции городского пространства Хабаровска, выделяя движущие силы каждого этапа этой эволюции.

Некоторые соображения общего характера относительно городского пространства и подходов к его делимитации

Что касается методики исследования, то признаю сразу – она проста и не содержит никаких новаций. Здесь я буду последователем Дж. Джейкобс [5], которая использует методы наблюдения и сравнения³. Естественно, что наблюдение, которое приводит к накоплению вполне определённых фактов, обычно предполагает некоторую программу наблюдений. Таковая сложилась у меня далеко не сразу, да и в настоящее время я не рискну утверждать, что она имеет законченный вид. Можно с достаточной уверенностью сказать только одно: городское пространство, как и любое другое социальное пространство, если у нас есть желание понять и объяснить изменения в его структуре, придётся исследовать по частям, то есть по районам и зонам.

¹ Из того, что было у автора под рукой, можно отметить следующие работы: [1; 3; 11; 12; 13; 14]. Можно вспомнить и более ранние работы, например, [2].

² Правда, в литературе есть упоминание о ещё одном опыте вернакулярного районирования Хабаровска [15]. К сожалению, К.А. Пузанов ограничился лишь указанием на то, что им были проведены полевые исследования, послужившие основанием для вернакулярного районирования Хабаровска, но результаты оно не приведены.

³ Впрочем, здесь можно вспомнить и работу Ш. Зукин [6].

Как известно, районирование может быть самым разным, но нас интересуют те его разновидности, которые имеют непосредственное отношение к организации социального пространства. В последние годы появился ряд публикаций, авторы которых рассматривают региональную идентичность как основу районирования общества¹. В этой связи возникает вполне законный вопрос: а не перебор ли это? Ведь если ещё недавно главными факторами, определяющими районирование общества, были экономические, а сейчас социальные (причём, скажем так, в очень узкой трактовке социального), то, может быть, не стоит возлагать на региональную идентичность, исследование которой, несомненно, важно для понимания структуры социального пространства города (региона, страны)², столь большие надежды.

По нашему мнению, осуществляя районирование общества, следует попытаться найти баланс между параметрами, с одной стороны, описывающими основные подсистемы общества (социальную, экономическую, политическую, духовную), а с другой – описывающими состояние природной среды. Здесь скорее всего прав Л.В. Смирнягин, когда утверждает, что вовлечение новых признаков, прежде всего описывающих культурные, политические и социальные особенности, ведёт к возникновению феномена «плавающего признака». То есть признака, который «то появляется в исследованиях райониста, то исчезает» [17, с. 198]³.

И коль скоро мы остановились на феномене «плавающего признака», то необходимо остановиться, хотя бы кратко, ещё на одном тезисе, сформулированном Л.В. Смирнягиным: тезисе о «безграничном районировании». Этот тезис вовсе не означал отказ от самой процедуры делимитации. Это был своего рода призыв «к резкому занижению значимости этой процедуры для районирования по сравнению с выявлением ядер и районообразующих центров» [17, с. 196].

У Дж. Джекобс в её бестселлере «Смерть и жизнь больших американских городов» есть интересный пассаж, который в присущей этому автору научно-художественной форме даёт представление о роли центра города: «Без сильного и *разностороннего* центра город малопомалу превращается в совокупность изолированных друг от друга интересов. Ни социально, ни культурно, ни экономически он не способен создать чего-либо большего, чем сумма своих составных частей» [5, с. 196–197].

Здесь можно привести и мнение маститого социолога относительно центральности: «Общим местом познания, сознания, социальной практики оказывается *центральность*. Не существует «реальности» без концентрации энергии, без очага или ядра, то есть без диалектического процесса: «центр – периферия», «фокализация – рассеяние», «конденсация – излучение», «объединение – насыщение», «концентрация – распад», «имплозия – взрыв» [10, с. 389].

Применительно к целям нашего исследования это означает, что нет необходимости искать точные границы, причём не только вернакулярных районов, но и социально-экономических.

¹ Наиболее последовательно эта позиция изложена в одной из работ Л.В. Смирнягина [18]. Именно в этой статье мы можем обнаружить параграф с весьма обязывающим названием «Региональная идентичность как основа районирования общества».

² По мнению Л.В. Смирнягина, существуют, как минимум, две области, в рамках которых региональная идентичность имеет огромную практическую ценность. Во-первых, это область политики, во-вторых, область розничной и оптовой торговли (скорее всего, речь идёт о маркетинговых исследованиях) [18].

³ Отметим вслед за Л.В. Смирнягиным, что российские географы начала XX в. не раз отмечали существование феномена такого рода. Но в силу ряда причин, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи, эта идея не получила должного развития, и в немалой степени благодаря работам Л.В. Смирнягина только в последние годы оказалась востребованной.

И вновь приходится констатировать: отечественные географы и экономисты опять-таки начала XX в. в ходе исследования пространственной организации экономики пришли к аналогичным выводам. Так как у нас нет возможности в рамках данной статьи останавливаться на этом сюжете (тем более что авторская позиция подробно была изложена ранее [4]), ограничимся цитатой из работы Б.Н. Книповича: «В спорах о ней [*природе района*] надо различать два вопроса: об установлении точных границ и об объективном существовании района. Что касается до первого ... объективно точных границ установить нельзя. Почти всякая граница, кроме совпадающих с резкими природными рубежами, приблизительно условна. Условность границ говорит нам о невозможности точно установить конфигурацию района, но не о том, что района объективно нет» [9, с. 186].

К вышесказанному относительно районирования как аналитического инструмента исследования городского пространства следует добавить, что районы далеко не всегда делят пространство нацело. Иначе говоря, сетка районов, как правило, содержит лакуны, то есть «промежуток между границами районов первого порядка, в котором находится район второго порядка» [20, с. 13]. Лакуны имеют место на всех иерархических уровнях как экономического, так и социального пространства, и пространство города в этом отношении не исключение.

Последнее, о чём следует упомянуть, завершая наши рассуждения относительно делимитации городского пространства, – о соотношении различных видов районирования. В конечном счёте речь идёт о соотношении понятий «вернакулярный район» и «социально-экономический район». Но прежде целесообразно определиться с тем, что есть «социальное пространство».

Из очень большого разнообразия различных мнений по поводу того, что считать социальным пространством, автор посчитал возможным остановиться на трактовке, предложенной А. Лефевром¹. По мнению этого весьма авторитетного социолога, «социальное пространство – это пространство общества» [10, с. 48]². На первый взгляд, всё необычайно просто. Но, оказывается, термин «социальное пространство» «отсылает к их неисчислимому множеству. Ни одно пространство в ходе роста или развития не исчезает. Всемирное не уничтожает локальное» [10, с. 97]. Более того, **«социальные пространства проникают друг в друга и/или накладываются друг на друга»** [10, с. 97].

Следовательно, социальное пространство города и/или района, страны, экосистемы под названием Земля не только неоднородно, но и иерархично. Более того, отдельные социальные пространства проникают друг в друга. Например, пространство экономическое пронизано для пространства вернакулярных районов.

Ещё один момент, на который следует обратить особое внимание и которым часто пренебрегают при исследовании городского пространства: роль природной среды. Так, по мнению А. Лефевра, социальное пространство имеет не только свою историю, но и «основу, первичный фундамент – природу, то есть природное, или физическое, пространство» [10, с. 392]. И от того, насколько разнообразна структура этого географического пространства, на-

¹ Конечно, здесь следовало бы привести и другие точки зрения на природу социального пространства. Но, во-первых, это бы увело нас слишком далеко от заявленной темы, а во-вторых, знакомство автора с работами П. Бурдьё, Э. Гидденса, Д. Харви, Дж. Урри и некоторых других социологов даёт основание считать, что в общем и целом они разделяют точку зрения А. Лефевра на природу социального пространства.

² Здесь просто невозможно не вспомнить, что некоторые отечественные социологи (например, М.Н. Межевич) и географы (Э.Б. Алаев, Н.Т. Агафонов, Б.С. Хорев) во второй половине 1970-х гг. – середине 1990-х гг. пришли к такому же пониманию социального пространства в рамках концепции территориальной организации общества. Чтобы не быть обвинённым в голословности, приведу только одну цитату из статьи М.Н. Межевича, опубликованной ещё в 1982 г.: «территориальная интерпретация социальной структуры общества, т.е. данного на определённое время состояния его социального развития – ядро понятия “территориальная организация общества”» [12, с. 287].

сколько эта среда агрессивна или благоприятна для жизни и деятельности социума, зависит, в конечном счёте, и структура пространства социального. Конечно, автор знает о «второй природе», созданной человеком, и такая теоретическая конструкция удобна для построения математических моделей в духе НЭГ, но пренебрежение «первой природой», как показывает практика, не очень разумно. И дело здесь не только в том, что стихийные бедствия могут оказать разрушительное воздействие даже на весьма и весьма крупные города (вспомним Новый Орлеан), а мероприятия по устранению последствий стихийных процессов (как и по их предотвращению) требуют затрат, нередко превышающих возможности отдельных городов. Дело ещё и в том, что за вполне обоснованными призывами к охране природы, борьбе с несанкционированными свалками и т.п. как-то забылось, что защиты требуют не отдельно атмосфера, водоёмы, насаждения и т.п., а ландшафты, то есть геосистемы различного уровня. И отказ от рационального использования возможностей не отдельного элемента природной среды, но природных территориальных систем – ландшафтов неизбежно ведёт к потере разнообразия городского пространства¹.

Но как только мы заявляем, что есть желание проследить изменения, в том числе и в организации городского пространства, перед нами возникают, как минимум, две далеко не тривиальные исследовательские задачи. Первая связана с тем, что эволюционные процессы следует исследовать, как и в случае с пространством, по частям, то есть по периодам, а периодизации, которая была бы пригодна на все случаи жизни, не существует. И всякий раз приходится выстраивать периодизацию под конкретные исследовательские цели, учитывая специфику объекта исследования (в данном случае – пространства конкретного города/агломерации).

И если за отправную точку анализа здесь я посчитал возможным взять начало прошлого века, то рубежами основных этапов эволюции послужили середина 1930-х, начало 1960-х и конец 1980-х – начало 1990-х гг. Каждый из этих рубежей связан с радикальными изменениями в структуре городского пространства, которые отражали качественные изменения в движущих силах развития Хабаровска, которые, в свою очередь, были связаны с экономическими, социальными и политическими сдвигами в российском обществе.

Основные этапы и направления трансформации пространственной организации Хабаровска

Естественно, что сложившаяся к настоящему времени Хабаровская агломерация, как и сам её центр – город Хабаровск, является результатом достаточно длительной эволюции.

Начнём с того, что Хабаровск, по дальневосточным меркам, – «исторический город», и он, как и Москва, не сразу строился. И далеко не сразу определилось его место в пространственной организации экономики и в системах расселения Дальнего Востока России. С известной долей условности можно предположить, что после Русско-Японской войны город приобретает вполне определённые черты административного центра, а по завершении строительства Амурской железной дороги – и транспортно-распределительного центра, имеющего общедальневосточное значение. К этому необходимо добавить, что в силу географического положения изначальная функция города как военного поста (базы) только усилилась. Что же

¹ Можно в этой связи вспомнить мнение Б.Н. Книповича: «Только крупные области, выделенные на основе устойчивых естественно-исторических или физико-географических признаков, могут отвечать многим заданиям. Более дробное деление на районы возможно по различным экономическим признакам и может быть проведено лишь в зависимости от тех заданий, которые лежат в основе районирования. Наконец, мелкое внутрирайонное деление может отвечать ещё более подвижным хозяйственным, бытовым, социальным признакам и являться по существу легко изменчивым» [8, с. 29]. Мнение это вовсе не бесспорно, но имеет право на существование.

касается промышленного производства, то таковое на начальном этапе было представлено кирпичным производством, винокурением, мукомольным производством. Наконец, тот факт, что в пределах города был дислоцирован значительный воинский контингент и база Амурской военной флотилии, обусловил создание Арсенала и судоремонтных мастерских.

В свою очередь, рост населения города (как гражданского, так и военного) стимулировал спрос на продукцию сельского хозяйства (овощи, картофель, сено, молоко, мясо), а также лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности не только в пределах городской черты, но и за ней.

Что касается пространственной организации городской среды, то следует признать, что именно к этому времени относится формирование нынешнего городского центра, а также таких элементов городской среды, как военные городки и заводские слободки.

Новый импульс трансформации городской среды был задан формированием промышленного комплекса города. Именно со второй половины 1930-х годов и по начало 1960-х гг. был введён в действие целый ряд промышленных предприятий, определивших как отраслевую структуру экономики¹, так и основные черты организации городского пространства.

Характерная особенность этого периода – массовое формирование заводских слободок, когда при вновь создаваемых промышленных предприятиях формировались своеобразные внутригородские социально-экономические районы. Как правило, они включали (помимо промзоны): центр (главную улицу), преимущественно застроенный двух- и трёхэтажными кирпичными домами («кирдомами»), предназначенными преимущественно для инженерно-технических работников (ИТР), и бараки (как правило, одно-, реже двухэтажные). В середине – конце 1950-х гг. добавились двухэтажные деревянные 4-хквартирные дома – ещё один обязательный элемент заводских слободок. Наконец, ещё один столь же обязательный элемент – территории индивидуальной застройки. «Центр» – это не только место жительства ИТР системообразующего предприятия и специалистов (в том числе и из других сфер деятельности), но сосредоточение таких социально значимых объектов, как заводской Дом культуры, поликлиника, школы, отделение связи, аптека и т.п. Как правило, «центр» – это ещё и место концентрации предприятий розничной торговли и общественного питания.

Здесь будет уместно вспомнить ещё раз А. Лефевра, который полагал, что «вокруг центра выстраивается *структура* (ментального и/или социального) пространства; структура эта всегда временна и, наряду с формой и функцией, входит в определённую практику» [10, с. 389]. И здесь не суть важно, что идёт речь о городе или городском районе, важен сам факт наличия центра. Как правило, когда центр имеет высокий модус, то и сам район, им организуемый, отличается большей выраженностью и устойчивостью.

«Периферия» рассматриваемых социально-экономических районов, как правило, была лишена благ цивилизации, за которыми их жителям следовало отправляться в «центр». Но и периферия была неоднородна: бараки, заселённые по большей части рабочими (хотя и не только), как правило, не имели «приусадебных участков», так как «усадеб» не было. Напротив, жители «частного сектора» имели приусадебные участки, на которых выращивали не только овощи, картофель, но и содержали птицу, коров и свиней, причём излишки нередко шли на рынок. Рынок как место обмена (несмотря на негативное отношение к таковым со стороны властей) был необходимым элементом таких заводских слободок.

¹ Именно в этот период были построены судостроительные заводы, нефтеперерабатывающий завод им. Орджоникидзе, завод им. Горького, Энергомаш, станкостроительный завод. На эти же годы приходится реконструкция Дальдизеля (бывшего Арсенала) и целого ряда предприятий энергетического хозяйства, пищевой и лёгкой промышленности, промышленности строительных материалов и деревообработки.

Возникает законный вопрос: что общего было у жителей этих слободок? Прежде всего, конечно, общность по поселению¹. Совсем не случайно, что жители таких внутригородских районов, независимо от принадлежности к той или иной социальной группе, понимали свою особенность. Показательно, что, будучи формально жителями Хабаровска, свои поездки в центр Хабаровска они обозначали, как «поездка в город». То есть они как бы и жители Хабаровска, но всё-таки не совсем полноценные. Но и для жителей «центра» эти «приезжие» из городских слободок тоже были неровня им, «центральной». При этом, как правило, поездки в «центр» из заводских слободок были приурочены к праздничным и воскресным дням или событиям, имеющим общегородской характер.

Если этот этап эволюции городского пространства предполагал в явном виде доминирование экономических факторов (город стал одним из крупнейших центров обрабатывающей промышленности), то следующий этап в большей степени определялся факторами социального характера.

А именно: с начала 1960-х гг. начинается массовое жилищное строительство, что также привело к радикальным изменениям в организации городского пространства. В частности, появились спальные районы: Первый микрорайон, затем Северный и Южный. Но массовое жилищное строительство привнесло изменения и в облик заводских слободок, так как сопровождалось не только ликвидацией бараков (увы, но не повсеместной; некоторые из них дожили до наших дней), но и изменением характера социальных связей. Если в предшествующий период практически всё рабочее население соответствующей слободки было занято на системообразующем предприятии, то теперь оно стало более разнородным в это отношении. К тому же развитие общественного транспорта повысило мобильность населения; проживание в одном районе и работа в другом стали вполне обычным явлением. Заслуживает упоминания и тот факт, что именно на это период приходится рост числа вузов и расширение приёма в уже имеющиеся институты и средние специальные учебные заведения, что в условиях роста мобильности населения сопровождалось усилением социальных взаимодействий между населением отдельных внутригородских районов.

Что же касается современного этапа эволюции городского пространства Хабаровска и его агломерации, то этот сюжет будет освещён в следующей статье.

Список литературы

1. Агафонов Н.Т., Межевич М.Н., Старинский В.Н. Эволюция региональной среды производства и жизнедеятельности. Л.: ИСЭР АН СССР, 1985. 52 с.
2. Анциферов Н., Анциферова Т. Жизнь города. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1927. 299 с.
3. Демьяненко А.Н. Исследование исторического опыта территориальной организации советского общества в 20-е годы. Л.: ИСЭП АН СССР, 1991. 52 с.
4. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 224 с.
5. Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов М.: Новое издательство, 2015. 512 с.
6. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.

¹ В своё время М.Н. Межевич рассматривал общность по месту поселения как социологическую категорию, которая отражает «связь людей, социальную связь, возникающую как результат этого совместного поселения» [13, с. 49]. А для формирования такого рода общности «необходима вычлененность, та или иная территориальная выраженность экономических, политических, культурных условий. Но эти условия не входят в территориальную общность, ибо она – отношение между людьми «по поводу» этих условий» [13, с. 103].

7. Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
8. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М.: Госиздат, 1921. 48 с.
9. Книпович Б.Н. Сельско-хозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
10. Лefевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
11. Медведков Ю.В. Человек и городская среда. М.: Наука, 1978. 215 с.
12. Межевич М.Н. Социальная проблематика в системе экономической и социальной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 4. С. 281–290.
13. Межевич М.Н. Социальное развитие и город. Л.: Наука, 1979. 175 с.
14. Межевич М.Н. Становление социальной географии: некоторые философские проблемы // Проблемы социальной географии СССР и зарубежных стран. Л., 1985. С. 14–27.
15. Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 13–18.
16. Пузанов К. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
17. Смирнягин Л.В. Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. IX сократические чтения. М.: Эслан, 2012. С. 191–200.
18. Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Меняющаяся география зарубежного мира. М. – Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
19. Смирнягин Л.В. Районирование общества: методика и алгоритмы // Общественная география: многообразие и единство. М.–Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 55–82.
20. Смирнягин Л.В. Узловые вопросы районирования // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.
21. Ярулин И.Ф., Гарнага А.Ф. Особенности взаимодействия населения города Хабаровска с городской средой // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 40–50. DOI: 10.14530/reg.2019.1.40

References

1. Agafonov N.T., Mezhevich M.N., Starinsky V.N. *The Evolution of the Regional Environment of Production and Life*. Leningrad, 1985. 52 p.
2. Antsiferov N., Antsiferova T. *Life of the City*. Leningrad, 1927. 299 p. (In Russian)
3. Demyanenko A.N. *A Study of the Historical Experience of the Territorial Organization of Soviet Society in 1920s*. Leningrad, 1991. 52 p.
4. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History. Part I*. Khabarovsk, 2010. 224 p. (In Russian)
5. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. Moscow, 2015. 512 p. (In Russian)
6. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. Moscow, 2019. 360 p. (In Russian)
7. Kazakova G.M. «The Vernacular Area» as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. № 9. Pp. 57–65. (In Russian)
8. Knipovich B.N. *Toward the Methodology of Regionalization*. Moscow, 1921. 48 p. (In Russian)
9. Knipovich B.N. *Agricultural Regionalization*. Moscow, 1925. 192 p. (In Russian)
10. Lefebvre H. *The Production of Space*. Moscow, 2015. 432 p. (In Russian)
11. Medvedkov Yu.V. *Man and Urban Environment*. Moscow, 1978. 215 p. (In Russian)

12. Mezhevich M.N. Social Problems in System of Economical and Social Geography. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society]. 1982. No. 4. Pp. 281–290. (In Russian)
13. Mezhevich M.N. *Social Development and the City*. Leningrad, 1979. 175 p. (In Russian)
14. Mezhevich M.N. The Formation of Social Geography: Some Philosophical Problems. In: *Problems of Social Geography of USSR and Foreign Countries*. Leningrad, 1985. Pp. 14–27. (In Russian)
15. Puzanov K.A. Stereotypes of Intraurban Areas. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2012. No. 2. Pp. 13–18. (In Russian)
16. Puzanov K.A. Territorial Borders of Urban Communities. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2013. No. 3. Pp. 27–38. (In Russian)
17. Smirnyagin L.V. Unlimited Regionalization and Floating Signs as a Means of Cognition of the Geographical Reality. In: *Problems of Geographical Reality. IX Socratic Readings*. Moscow, 2012. Pp. 191–200. (In Russian)
18. Smirnyagin L.V. About Regional Identity. In: *Changing Geography of the Foreign World*. Moscow – Smolensk, 2007. Pp. 21–49. (In Russian)
19. Smirnyagin L.V. Regionalization of Society: Methodology and Algorithms. In: *Social Geography: Diversity and Unity*. Moscow – Smolensk, 2011. Pp. 55–82. (In Russian)
20. Smirnyagin L.V. Key Issues of Regionalization. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2005. No. 1. Pp. 5–16. (In Russian)
21. Yarulin I.F., Garnaga A.F. Features of the Interaction of the Population of Khabarovsk City with the Urban Environment. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 40–50. DOI: 10.14530/reg.2019.1.40 (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Хабаровская агломерация: опыт декомпозиции городского пространства // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 4. С. 5–13. DOI: [10.14530/reg.2019.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.5)

For citing:

Demyanenko A.N. Khabarovsk Agglomeration: Experience of Urban Space Decomposition. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 5–13. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.4.5](https://doi.org/10.14530/reg.2019.4.5)